

Расшифровка интервью

Дата: 06.11.2022

00:00:01

Когда они приехали в Москву... Они жили сначала в Польше, на границе с Россией, и граница проходила очень интересно. Была деревня. А в какой-то период, этого я не знаю, но бабушка рассказывала мне, мама папина, что вдруг их деревню разделили на две части. Одна отошла России, а другая осталась в Польше. И вот она говорит, там кричали друг другу, допустим: «Маринка, посмотри мой огород!» Потому что даже огороды не учли, не разделяли так, чтобы, где дом, дальше следует огород, это, значит, не учитывалось абсолютно. И люди вот так страдали, пока они потом уже с годами перенесли всё свое хозяйство в Польшу, на польскую сторону, а российская сторона осталась по эту сторону. Но папа родился не первым ребенком. Он родился пятого, то есть в 1905 году, в 1905 году в Москве. Они переехали в Москву еще в период 1890, что ли, или 1895 года. Семья бабушки с дедушкой переехала в Москву. Там была уже дочь. И при переезде в 1901 году родился второй ребенок у бабушки с дедушкой, а папа был третьим, и он родился в 1905 году. Он рос уже третьим ребенком. И бабушка меня об этом, его самых младенческих лет, вообще не посвящала в них, потому что она и сама, наверное, не помнила. У нее постоянно пребывали дети, у нее в семье было девять человек детей, уже после папы там рождались, и ей было не до мелочей. Значит, жили они в квартире в отдельной, у Савеловского вокзала. А дедушка работал вот на Савеловском вокзале главным кондуктором. И к бабушке с дедушкой приезжали подруги, их друзья из Польши. Тогда был проезд совершенно спокойный, открытый, и они приезжали помогали бабушке по хозяйству, детей растить. Потому что через каждые практически два-три года рождался новый ребенок. Четыре дочери в итоге у них было и пять мальчиков. Как устроилась семья? Вот детство, такого раннего детства совершенно я не знаю, бабушка мне не рассказывала. А о том, как они уже подростки себя вели, это очень интересно было. Ну, такие, хоть два-три, но интересных момента. Был большой стол в комнате, в большой комнате, за которым делали дети уроки. Все учились, все получали образование. Нужды не было в доме никакой, потому что дедушка зарабатывал очень хорошо. Бабушка не работала, естественно. Она была вот вся погружена в воспитание, вынашивание и вырашивание детей. Когда родился четвертый ребенок, мальчик, она вот о нем говорила: «Какой-то необыкновенно умный». Он умнее всех был, тянулся очень за старшим, за Антоном. Он хотел стать как Антон. И вот так она говорила, не то что там кто грамотнее, кто что хотел. Ну вот места иногда ему не хватало, он был маленький еще, ему не хватало места за столом, так он с удовольствием занимался под столом. Значит, там ему освещение было дано, всё. И вот такая деталь. А дальше, значит, уже подростковый период, когда папе было уже лет 15 и вот он уже полностью ушел в работу. Закончил школу и ушел в работу.

00:05:31

А можно я еще про детство спрошу? Родился-то он в непростой год, да? 1905 год.

В 1905-м, да.

00:05:37

Не рассказывала ли что-то бабушка или дедушка, что происходило в стране, как это влияло на их семью?

Нет. Она не рассказывала. Она рассказывала, что всё было спокойно и всё было нормально, потому что деньги были. Она никуда не ходила, кроме костела московского. И вся семья туда ходила.

00:06:03

А вот какой-то общественно-политической такой позиции проявлено не было в семье?

Нет, абсолютно. Но дети были необыкновенно одаренные все. Девочки, конечно, пошли по швейному направлению, они заканчивали... Да, две дочери закончили бухгалтерами, бухгалтерские прошли курсы двухлетние, а две швейницы, мастерицы по шитью, по вязанию, такие мастерицы были. Но тогда было и такое время, и такое положение, женщины других специальностей не могли приобрести. А вот две из них по бухгалтерии пошли.

00:06:52

А может быть, вы знаете, с кем больше отец дружил из братьев и сестер? С кем у

него были такие связи особенные?

Этого бабушка не рассказывала, о дружбе, отдельной дружбе детей. Они росли, каждый выбирая себе дорогу. И даже интересно, может быть, я немного опережу время, бабушка рассказывала, как они с дедушкой шли из костела — и навстречу им идет сын, старший, вот второй, который родился в 1901 году. Идет навстречу, они остановились: «Ты что тут делаешь? Дом не здесь, всё не здесь, ты что здесь делаешь?» «А я, — говорит, — иду из института». А он учился в... У меня такие бывают.

00:07:55

Ну, мы с вами договаривались, делайте паузу, вспоминайте, никуда не спешим. Всё потом смонтируется.

В Тимирязевской академии он учился, и в последующем он был ученым, был профессором, преподавал в этой академии, когда уже, так сказать. Вот такого плана детки все. Ну, женщины так, как были, вот свои специальности так и сохранили, а у мальчиков вот так получилось. Значит, папа пошел вот по линии помощи всем нуждающимся. То есть уже где-то с 14 лет он начал помогать всем беспризорникам. Ну, просто вот он там и еще его два друга были, значит, они видели, когда мальчишки идут и где-то что-то воруют или еще что-то, они просто: «Пойдем, я тебя накормлю». Но в дом, по-моему, он не приводил, потому что бабушка не приводила таких примеров, мне ни разу не говорила о том, что он приводил, когда были еще дети маленькие. А потом, когда он стал постарше, где-то ближе к 17 годам, он устраивался в какие-то организации, где вот эти отходы, пищевые там и разные, ну не отходы, а то, что не продано за сегодняшний день, а завтра уже нельзя продавать, остатки какие-то, они собирали, ребятки, и раздавали вот этим всем нуждающимся. А ребят нуждающихся было тьма. Причем половина из них росли уже такими опасными для страны, для человечества, просто опасными, превращались и в жуликов, и превращались... Короче говоря, жизни у них уже человеческой практически не было. И они создавали такие группы специально, находили помещение, либо подвал, либо еще что-то, приводили в порядок, вот эти три мальчика, папа и его друзья, и там открывали как бы квартирку такую небольшую, куда поселяли вот этих беспризорных. Учили их чему-то, учили работам, каким-то специальностям, потом за них хлопотали перед организациями такими, где можно было пристроить ребенка, чтобы он там и жил, и что-то выполнял какую-то работу мелкую, то, что он может. Но дети — это не значит, что там пятишестилетние детки, они ими занимались, это были уже большие ребята, вот эти беспризорники, такие, уже в годах, где каждый из них мог как-то себя показать, либо в хорошем, но этого не было, некому было это показывать, потому что каждый в отребье, каждый не одет и не обут как следует. В общем, вот такие, с этого начиналась папина работа. Потому что ему было просто... Как бабушка говорит, он приходил, уходил утром и приходил когда, говорит: «Я его не узнавала. Он был весь черный». Потому что ему дико было, как так можно, чтобы дети жили в таких условиях. Но это еще было при царе, там где-то последние годы. А потом, где-то к 18 годам, бабушка рассказывала, даже там есть это, написано, когда начались вот эти все движения революционные, даже в семье моих бабушки с дедушкой, негде было просто купить продукты, нечем было кормить семью, и бабушка собирала одежду, всё, что не нужно, и в числе целой группы большой они ехали вот по [нрзб] дороге в какие-то деревни и там меняли одежду и обувь, всё, что не нужно уже в семье, что они привезли, меняли на продукты. Конечно, это было очень страшно, потому что нападения были на составы, бандитские, и не считались с людьми, и убивали, и, в общем, чтобы просто отнять то, что везут в деревню женщины. Но как-то бабушку миновала вот эта страсть, и она привозила продукты и таким образом как-то помогала мужу, чтобы в доме была пища. Потом вот уже, когда... И что я говорила? Как-то бабушка... Когда я начала говорить о том, что к 17-18 годам дедушка уже работал, я не знаю, правда, организацию она не называла, она, наверное, не знала, где, но она рассказывала, что как-то вот в эти годы, в эти годы как раз, когда она ездила, она вышла случайно на улицу и видит: едет дедушка на... Запряженная лошадь и телега, заполненная продуктами. Там и сухари, там и хлеб, и, в общем, разные пищевые продукты такие, не очень мудреные, но заполнена вся телега. И бабушка попросила его: «Дай хоть сухарик или какой-нибудь там кусочек чего-нибудь». «Он, — говорит, — так на меня, напустился. Он: “Мама, как ты можешь? Это голодным детям, они ничего не видят, они ничего не знают. Ты меня просто удивила”». И бабушка мне это с гордостью рассказывала. Значит, она сама, он ее, так сказать, поставил на место, и она сама поняла, что как она могла. Действительно, она что-то может еще детям принести? А там беспризорные и совершенно обделенные вот этим всем, они этого не видят даже. Вот такой момент.

00:15:28

Можно я спрошу? Бабушка вдруг рассказывала, откуда вообще эта тяга взялась у отца у вашего? Как он вышел на тему беспризорников? Кто-то в семье уже чем-то похожим занимался? Вот с чего это всё началось?

Вы знаете, я всю жизнь свою, сколько я занималась этим вопросом, это я и считаю своей жизнью, я об этом думала. А потом, когда у меня уже там восемь правнуков и семья большая, дети, внуки, у девочек мужья, у мальчиков жены, и я смотрю: вся моя семья идет в другом направлении. Это музыка с детства, вот с такого, танцы тоже с маленького возраста. Дальше чтение. Обязательно, это их и заставлять не надо. Необыкновенная тяга к животным. Что еще? Художники, все художники, все художники, все, вот даже сейчас последней моей правнучке три года, она так рисует, она такие складывает штучки из материалов, у них все деньги идут на покупку этих материалов, чтобы дети работали. И все мамы, папы, они тоже этим занимаются. И вот как? Я очень хотела тоже заниматься музыкой, очень хотела, но мы были настолько бедны, что об этом даже думать не нужно было. Но я просила свою в школе подружку, она ходила в музыкальную школу, я говорю: «Если ты можешь, вот когда зал откроют, поучи меня, пожалуйста». И она мне дала несколько уроков. Потом я у дочери брала уроки, когда она уже на фортепиано [играла]. Ее там приглашали на продолжение, так сказать, занятий на более таком уровне высоком, но она увлеклась животными и ушла в зоопарк, так сказать. А это я отвлеклась.

00:17:58

А почему, вот интересно, вы параллель проводите такую?

Вот, я провела пар[аллель], вот я так и подумала. Значит, в ком-то вот какие-то гены заложены были, то ли в бабушке, то ли в дедушке, то, что не осуществлено ими. Вот так устроен наш мозг. Видимо, это было заложено, но не имело почвы, не на чем было это делать, о ком-то заботиться, за кем-то бегать. У соседей тоже там, ну что, если это было в Польше, то там у соседей тоже огород, у этих тоже огород, все мамы, папы на месте, и никто никуда не убегает. А тут Москва. Они приехали в Москву. И, конечно, тут такой расцвет всего. И всё есть, и всё... А для кого есть? Для кого есть? Для единиц, для каких-то особых? Значит, надо к этому стремиться. Это я сейчас сочиняю. И вот, видимо, так. Так и складывалось у каждого свое. Вот дядя Адам, тот, что профессор, он безумно любил природу. И у него свои открытия были, и на хорошем счету, но потом он во время войны ушел добровольцем, попал в плен. Ничего, что я?..

00:19:35

Вы расскажите, если вам хочется.

И он ушел и попал в плен, и вот этот плен ему, так сказать, потом, когда уже война закончилась и он вернулся, обошелся, конечно, дорого. То есть его уже в академию не приняли. Он в академии преподавал, а тут его уже туда не приняли. Но ему всё равно дали такую работу, где он продолжал делать открытия, продолжал, так сказать, свой путь, и был счастлив. Так что тут...

00:20:12

То есть чего началось у отца, мы сейчас даже не сможем понять, да?

Мы не можем понять. Видимо, вы знаете, вот из всех родственников, а родственников много, поскольку у бабушки такая большая семья, родственников много было, и у них дети, и все пошли, все учились, но медиком была я одна. И по призванию, главное. У меня за годы обучения не было ни одной четверки в ответе, ни одной, одни пятерки. И вот когда я получила полотно, уже когда закончила, получила полотно, и мне это говорит... Ну, преподаватель говорит: «Тут вообще можно — сразу одну посмотрела, а дальше уже такой разбег, пятерки, одни пятерки по всем, по всем, по всем предметам». А по предметам нам ставили в училище медицинском отметки, не как в институте. И я потом всю жизнь помогаю людям. Вот это я хотела сказать. Всю жизнь до сих пор: я вижу больного, я знаю, что с ним, и знаю, чего делать. Вот себя довела до такого состояния, 85 лет, я ищу болячку и ее, так сказать, обрабатываю, и всё. Ну, просто вот так. И дедушка, наверное, и папа, наверное, так же. Не наверное, это точно. Это вот просто дремлющие гены, просто им не было платформы, где развиваться, не нужно было это. А в этих условиях ему нужно было только так, только так, и больше ничего. Он в этом разбирался прекрасно. Вот там в статьях увидите отзывы о нем, о его работе. Извините, ладно? Я у вас столько времени отняла. С собой любовалась.

00:22:21

Да что вы! Мы о вас обязательно еще будем говорить. Просто мне, чтоб не запутаться, хотелось пойти вот последовательно.

Да-да-да. Обязательно.

00:22:30

Да, по годам, а потом к вам. Не отняли времени нисколько, это всё очень интересно.

Да?

00:22:34

Конечно, мы об этом будем говорить.

И потом, когда что-то происходит правильное, я покрываюсь вся морозом. У меня всё... Ну короче говоря...

00:22:55

Правильное? Можно всё-таки уточнить? Это очень интересно. В каком смысле?

Ну вот мурашки бегут. И причем они на разном уровне бывают. Бывают только до колен. Вот что-то произошло, вот как сейчас произошло, у меня вот до сих пор мурашки пробежали. Вот сейчас мы говорили, вот вы говорите, что это нам нужно будет, это всё, и у меня побежали мурашки. Они сами собой появляются. А уж если очень хорошо, тогда прямо до макушки и долго. Дочь надо мной хохочет сначала: «Мам, ну хватит уже. Ну хватит уже придумывать». Я говорю: «Дочь, я сама не знаю, как это, и что это, и почему». Ну в общем-то, я знаю, теперь-то я почитала материалчики. Я знаю, что это так работает мозг наш. «Это правильно, — он говорит. — Это хорошо». Короче говоря, это божеский подарок.

00:23:53

Будем считать наше интервью удачным, если мурашки добегут до макушки. Не уйдем, пока не побегут.

Правда? А у вас бегают? Вы еще молодые.

00:24:01

Я вот так, как вы, не могу почувствовать, куда они там добежали, где остановились.

Ну тот объем, тот объемчик

00:24:10

Но, наверное, я понимаю всё равно, о чем вы говорите.

Да?

00:24:12

Может быть, я другими словами это называю, но понимаю.

Ну и, в общем, к 18 годам папа уже работал. Ну он даже раньше пошел работать, дедушка его устроил, потому что он не хотел ни в какой институт поступать, ничего, а вот это движение — только помощь людям. Ну, дедушка его определил. Вернее, нет, это он сам. Он сам пошел, открылась когда... Заснул, заснул, заснул мозг. Ну давай уже, давай, господа. Ну короче говоря, первые работы, на первые работы определил его дедушка. Он еще мальчиком был. А вот все, то, о чем я только что говорила, помощь и всё, это он делал в нерабочее время, папа, это бабушка мне рассказывала. Потому что дедушка говорит: «Ты дурустью занимаешься, делаешь не то, что нужно, а вот давай, так сказать, работой для дома».

00:25:50

И куда дедушка определяет его, на какую работу?

Он где-то тоже на вокзале. Кем — я вот [не знаю], этого нигде не было и бабушка мне не говорила. Этого я не знаю. Ну, была маленькая книжонка, я ее не нашла, тоже где вписан папа. К дедушке вписан папа. Я ее не нашла, куда-то я ее задевала, поэтому даже сослаться не на что. Но потом, когда открыли нашу большую выставку. Слава тебе господа, вот как сложно, это же очень сложно вспомнить. Выставку сельскохозяйственную, он там сначала работал помощником, а потом экскурсоводом. И вот тут есть фотография. Там вся группа рабочая, все, кто работает на сельскохозяйственной выставке, и папа там стоит, такой мальчишка-мальчишка. Ну, а потом вот он пошел по своей линии потихонечку, потихонечку, значит, в комсомол. Да, работал на фабрике «Свобода». Это московская фабрика «Свобода», вы знаете, наверное, это по производству всяких моющих материалов. Мыло там, короче говоря, вот такого порядка. Известное очень большое предприятие. Там он познакомился с мамой, она

тоже там работала. Они работали, мыли посуду сначала, потом вот так вот по определенным годам: год там, два года здесь, два года здесь. Вот так поднимались, поднимались, поднимались потихоньку. Потом его стали приглашать уже на такие работы, как секретарь комсомола, секретарь... Комсомола тогда еще не было. Нет, уже был, уже был, потому что он был секретарем. Ну, я скажу то, что я помню, а потом, если возвращаться к раннему, можно, да?

00:28:21

Конечно.

Значит, потихонечку он стал продвигаться. Был секретарем комитета молодежи, по-моему, так это называлось. В Тимирязевском. Нет, в Тимирязевском он сразу стал секретарем комсомола. Здесь пионерская организация в начальной стадии. Но создание пионерской организации, он принимал участие в создании пионерской организации от самых азов. И комсомольской организации также, это судя по тем записям, которые у нас есть. И там он был не просто член комсомола и что-то, а вот возглавлял в той или иной области, в области воспитания или в области политического развития, или еще чего-то. Ну, как всегда: комитет комсомола огромный, а там отделы. Значит, вот он в одном из отделов этих организаций работал. Потом его начали направлять, направили в ЦК ВЛКСМ, когда уже работала эта организация полностью, была создана и функционировала полностью. Значит, он был принят членом ЦК ВЛКСМ. Он продвигался, всё время продвигался, и в райком партии, обратился вот в ЦК ВЛКСМ с просьбой направить Высоцкого Антона Антоновича в «Комсомольскую правду» первым заместителем редактора, главного редактора «Комсомольской правды». Это был последний его путь. И там он работал. Отзывы в основном о работе, отзывы всех, что называется, опрошенных, оттуда — каким он был. Ну и все отзывы, конечно, замечательные.

00:31:00

Расскажите, каким он был, по отзывам и по тому, что вы знаете.

Давайте. Я сейчас припомню. Значит, папа продолжал свой этот путь по беспризорникам. Уже была у них квартира, у моей семьи, уже была доченька. Да, вот они с мамой, значит, познакомились там на фабрике, и папа в нее влюбился очень сильно, как бабушка говорит: «Так полюбил ее! А она украинка, а он ее так полюбил!» Вот да? Что значит мы поляки. Каждый за себя, конечно. Он продолжал приводить уже детей, вот этих беспризорных, а их еще было очень много в России, это 1930-е годы, начало 1930-х, 1920-е годы, он приводил их домой, сажал, кормил, поил, одевал, обувал, потому что они все приходили бог знает в каком виде. С каждым вел беседы, кто-то оставался потом там на день на два, и он пристраивал всех на работу. Там у него очень много было друзей по Москве, и он всех пристраивал. И потом они даже приходили, мне тетя рассказывала, мамина сестра. Говорит, пришел, и [говорит]: «Антон Антонович, вот я вам что принес!» Курицу или кусок чего-то такого. Он: «Да ты что?» — «А как же? Это вам. Это только вам». И, в общем, вот так. Или приносили свои удачи, свои показывают: «Вот видите, кем я стал? Вот видите, куда я поступил?» Вот так отчитывались перед ним, прямо домой приходили. Он на этом настаивал даже, потому что на работе некогда, а если дома заставляли, а если не заставляли, значит, оставляли маме или соседке. У них была такая коммунальная квартира трехкомнатная, а две комнаты занимали мама с папой. У него была большая библиотека, и в этой комнате вообще только шкафы с книгами, книги всевозможные: и советская литература, и зарубежная литература, и русская, ну в общем, все виды, и очень много таких... Короче говоря, там всё это написано.

00:34:07

А как развивалась эта работа с беспризорными, если он начал еще в 14 лет? Может быть, какие-то организации образовывались или он сам их создавал?

А вот он это держал под контролем.

00:34:16

Можете чуть подробнее рассказать?

Я вот единственное, что могу [рассказать], как я понимаю, знать не знаю, потому что некому было мне это рассказать. Бабушка этим вопросом не владела, наоборот, ее, видимо, это немножко раздражало, что всё мимо дома. Я даже об этом написала. Это он сам вел уже добровольно, потому что то, кого вылавливали, он этим вопросом, может быть, и занимался, вот когда его пересаживали с места [на место], из одной организации в другую, повышая, повышая, повышая, он, видимо, как раз и вел только это направление. И когда в «Комсомольскую правду», вот я сейчас так подумала, когда его перевели в «Комсомольскую правду», тогда уже он в широком масштабе начал заниматься, но этот вопрос не уходил от него. Потому что он уже стал заниматься всеми вопросами, не какие-то избирательные, только

политика или только спорт... Ну, спортом папа... Спорт тоже, он участвовал, ну, не участвовал, а их группа, была создана ими группа, это бабушка рассказывала, по созданию спортивного комплекса. Это сейчас комплексом называется, а тогда это был такой небольшой участок, где они построили, выхлопотали этот участок у государства и получили деньги на создание спортивного вот этого участка. Там, значит, футбольное поле было создано, потом отвоевали какой-то дом, в котором поместили все принадлежности, необходимые для занимающихся спортом. Вот тогда они открывали спорт в России впервые, что называется, этого не было вообще. Также они открыли, тут есть материал, папа там такой стоит, молодой такой, молодой прям совсем. Ну в 32 года его расстреляли, 32 года ему было, это же мальчишка, я так вот, с моей высоты это ребенок, ну это мальчик, что там? А вот так вот. Ну и... С пятого на десятое, да?

00:36:51

Всё нормально, это же живая речь, конечно.

И потом они построили, значит, вот этот самый...

00:37:01

Ну это не для беспризорников? Это вообще в целом для молодежи?

Нет-нет, это вообще для Москвы, это для Москвы уже строилось, это уже он постарше. Потом я говорила, да, что в создании пионерской организации и комсомольской, он принимал участие в создании этих организаций. Ну вот такой он был, очень, видимо, настолько пошел. Это правда, это правда, у меня мурашки пошли далеко. Ой, как далеко! До макушки, девочки, до макушки, честно. Всё было вот так вот, вот так вот. Ах, папа, папа. То есть он не останавливался ни на секунду, у него всё время были какие-то внутри, рождались какие-то новые и новые открытия, он делал для себя и вот как еще, какое благо сделать еще для народа, чтобы «чего нам не хватает еще, чего бы я хотел». И чего бы хотели, чего хотят сейчас вот такие, как я, ну и, наверное, старше, если бы дожил. На чем-то я...

00:38:17

А вы знаете, в том возрасте как он относился к тому, что происходит в стране, каких он был взглядов? Понятно, что он был в партии...

А вот пишут, пишут его друзья там.

00:38:28

Мы остановились как раз на характеристиках, да?

Да.

00:38:30

Что рассказывают о нем люди, которые близко знали его?

Вы знаете, у меня даже, наверное, и не хватит таких слов, и потом это будет нескромно с моей стороны, потому что это о папе. Они там пишут такие вещи, ну, очень хорошо пишут. У меня даже слов таких нет. Правда, я не пользовалась никогда такими словами вот в хвалебном... Ну, мне не нужно было. Насколько он способный, насколько он открыт для всех, сколько в нем заложено всяких вот этих вот идей по развитию, по развитию общества. Ну, это я своими уже словами говорю, не их. Они интереснее говорят, и много. И один из них... Там есть такая у меня, это я уже писала о том, как... Я немножко отвлекусь от заданного вопроса. Может быть, это немножко мне поможет и вам. Семья папы жила отдельно от бабушкиной семьи. Там оставались, в бабушкиной семье оставалась, значит, комната бабушкина, комната одной сестры и другой сестры. Третья... То есть две сестры, две дочки бабушкины жили там и бабушка сама. И вот жили они трудно очень, 1920-е годы были трудными, много работали. В доме уже не было такого шика и блеска, а всё примитивно, всё очень строго. И дровишки надо заказать, привезти, и печку истопить, потому что печное отопление на три комнаты. Короче говоря, трудности большие у сестер и у бабушки. А папа зарабатывал там 2 500 в то время, я не знаю, какие это деньги, но я думаю, это немаленькие деньги, судя по тому, что у бабушки пенсия потом была 100 рублей после смерти дедушки. Видимо, и швейницы, и вязальщицы тоже получали не так много, а у них семьи: у одной два ребенка, другой один. А папа кормил, папа поил, папа одевал, обувал всех, кто приходит, кого он поймал и привел, кого ему привели. И вот там есть пример. Сидела группа, какой-то праздник, что ли, отмечали у папы. Ну что-то такое. Сидела группа и разговаривала о работе. И вдруг входит Маяковский. «Я, — говорит, — тебе привел очередного». Здесь подробностей нет таких, но «я тебе привел». «Ему надо то, —

вывел его на балкон, — тебе надо с ним делать это, это, это, это». А тот говорит: «Как раз у меня все друзья могут это сделать. У меня есть кому обратиться». Это папа. «Всё, всё, даже не расстраивайся, не обижайся». Ну и оставил мальчика у себя, и одел, обул, и устроил. И вот это очередное, это очередной приход Маяковского был. То есть, ну вот так просто. Вот так просто, потому что он уже поднялся до уровня, где он может уже... Ну, это счастье для него было, что он еще, вот он поднялся, он решает сейчас какие-то глобальные вопросы, высокие, а еще молодежь еще его не оставила. Он с ними, и он будет им помогать. Вот это у меня тоже мурашки, но только до колена.

00:43:07

А родственники не имели какой-то обиды, что вот чужим помогает?

Вот-вот-вот, я об этом написала как раз.

00:43:15

Только моего вопроса не будет, вы лучше развернуто отвечайте, ладно?

Да-да-да. И как раз наблюдали всё это, мне бабушка об этом рассказывала с небольшой обидой, но так глаза косила на комнату одной дочки и на комнату другой дочки. Дескать, это не мое, а это их слова. Что вот такой-сякой, своим не помогает, а вот беспризорников может разыскать, может найти случайно, могут ему привезти, и он всё для них сделает. А что мы тут, это неважно. Как мы тут, нуждаемся, не нуждаемся, это неважно. И я там папу оправдываю. Я пишу дальше, что, конечно, они взрослые, они знают, где и как достать. Они что-то имеют, у них есть кусок хлеба и есть что попить и что поесть. И есть теплый дом. И заботятся о них государство, вот дают... Я сейчас прибавляю всё, там строчкой одной, но я просто... И государство может обеспечить их дровами там и так далее, и так далее. Вот это руководило им. И ему не было дела до остальных, до семьи своей большой, из которой он вышел. А он с самого начала такой был. Ведь он так и ушел один. Ведь никто за ним не пошел из семьи по этому пути. Он один. И он один пробивал этот путь. И не в отместку семье он это делает, а он по-другому просто не может. Он знает, что там-то сытые, как мы были сытые. У нас был кусок хлеба, мама нам привозила из страшной поездки. А о них даже этого, никто не может им это сделать.

00:45:22

Но вы говорили, что в семье тоже наступили, да, непростые времена, вот в 1920-е годы. Что сначала вроде бы дедушка обеспечивал, потому что был на приличной работе.

Да, я и говорю.

00:45:32

А потом, в общем-то, тоже было не очень просто.

Я об этом и говорю, что вот семья вот так тяжело жила. Но у них всё-таки было что поесть, они не оставались без хлеба, они не оставались без еды, без одежды, в холодном помещении — нет, у них это всё было. Но им подавай больше, им подай новые туфли, новые там что-то еще. А еще что у папы было, какое, ну как сказать, хорошее или плохое в характере — двери квартиры не запирались никогда. А соседи жили как раз из разряда тех, с кем он работал, потому что дом выстроен был специально, кирпичный дом возле рынка. Какой-то знаменитый рынок-то в Москве, сейчас там выставки. Вспомнится, наверное. Рядом с этим рынком, в центре, возле Белорусского вокзала, недалеко. И двери не запирались. И вот все, кто жили, соседи, могли прийти в любое время суток в квартиру. Если нужно что-то посоветоваться, или поесть, или попить, или что-то одеть. «А вот я иду в театр, у меня платья нет». Мама [говорит]: «Да вон шкаф, возьми, что там тебе [нужно]». Вот так они жили. У них всё время были открытые двери, и народ постоянно был у них. Это вот уже моя сестричка рассказывала: «Ой, у нас все были, народу много всегда». И вот так вот она, такая добренькая тоже.

00:47:30

А как мама относилась к этой деятельности?

Нормально, нормально. Мама вот после... Она закончила какие-то курсы, потом поступила в институт. Был на языке, но там это всё есть. Химический. Без экзаменов ее туда приняли, тогда это так было. По рекомендации организации, где она работала.

00:48:10

Я спросила, как мама реагировала на папину вот эту вот общественную деятельность.

Она такая же была. Она точно такая же была, очень открытая, добрая. И в ссылке она была такая. Она думала обо всех. Что еще о папе?

00:48:35

Да, давайте вернемся к моменту, когда он поступает в «Комсомольскую правду», вы сказали, заместителем главного редактора.

Да, заместителем главного редактора. Но это лучше почитать отзывы, потому что там будет прямо всё-всё понятно. Всё понятно. Он же работал там всего три года, неполных, по-моему, даже. И его там обожали все. Ну, он строгий был, очень правильный. И был такой... Там хорошо сказано, увидите. Это надо прямо вот этими словами. Я просто испорчу, просто испорчу впечатление. Лучше прочитайте, прямо хочется вслух, каким он был. Очень хорошим, очень хорошим, таких я на своем пути, из специалистов, пожалуй, не могу никого назвать. Вот с кем мне пришлось работать, мои начальники. Я никого не могу назвать таким, как папа. Очень открытый был и требовал от всех... Ну, о дисциплине, там об этом даже разговора быть не может. Ну вот я могу привести там пару слов, что мы не должны сидеть на месте, мы должны двигаться, мы должны много знать о всех делах, которые делаются в нашем государстве, ну вообще в стране. Мы должны не сидеть здесь, а ездить в деревню, ну, в общем, на места, и брать оттуда все материалы и печатать их, раскрывать их, чтобы научить других. Ну в таком направлении. Я не могу так сказать, потому что я не жила в такое время и у меня нет даже этих слов в лексиконе. Нет, я ими никогда не пользовалась. Они мне не были нужны, видимо он решил уже все эти вопросы, папа, и мне ничего не оставил, я даже не знаю этих слов.

00:51:14

Как папа к фигурам Ленина и Сталина относился? Знаем мы что-то об этом?

Там об этом вообще ничего нет. Они работали и работали, а о Ленине, о Сталине не нужно было, само собой разумеется, всё само собой разумеется. Это другие верха, это там свои решения, а мы должны выполнять, я так понимаю, потому что об этом даже слова нет нигде, нигде. Потому что уровень другой, совсем другой уровень, он не наступал выше своего, своих, у него своих, видимо, было очень много проблем, которые надо было сначала ввести в жизнь, а потом уже давать оценку, так он сделал или не так. А верха, они сами, они сами.

00:52:12

Ну всё равно отношение же...

Абсолютно нигде ничего, нигде абсолютно. И в семье, и в семье этот вопрос не обсуждался.

00:52:20

Скажите, а вот работа в «Комсомольской правде», что конкретно он делал, как его развивалась там карьера? Насколько я понимаю, оттуда и забрали-то, да, отца?

Да, оттуда и забрали.

00:52:31

И вот мы и подберемся к моменту, когда, в общем, забрали и пришли за ним.

Ну, в общем-то, о его работе там... Вот только о его работе не написано ничего, то есть написано, как он руководил, как он руководил, вот это. Каким он был, как он обучал, как он сам каким был, потому что он был примером. Ели бы... Он не сидел на месте, вот так я понимаю, у нас начальники все сидят на месте, а он не сидел на месте. И я это видела, когда обращалась в «Комсомольскую правду» тоже с просьбой о папе какие-то, узнать что-то, потому что я вообще о нем ничего не знала. И меня направляли то к одному, то к другому, и я прихожу — «Да, зайдите, он сейчас на месте». Я прихожу, а стол пустой. Значит, он уже убежал. «Да, он убежал на точку». Он на точку убежал брать интервью или там еще чего-то, в общем, на работе он. И вот папа так же работал, он так и писал, что вы не сидите на месте, вы ездите, вы набирайте материал, вы делайте то, делайте то. И он сам, там так и написано, и он сам был таким, он не сидел на месте. И еще интересно, значит, «наш Антоша» его звали там, на фаб... в «Комсомольской правде». «Где наш Антоша?» — вот так между собой. Там были, наверное, люди постарше папы, и он для них был Антоша, а не начальник. Вот что я могу сказать, остальное только они могут сказать. Я не знаю, почему у меня язык не работает в этом направлении.

00:54:35

Может быть, просто нет информации, что вы можете тогда сказать?

Ну, у меня нет информации, а эта информация не моя, не мне принадлежит, и не обо мне, и вообще, и вообще это его, его, так сказать, золото. Не мое.

00:54:56

Скажите, были какие-то предпосылки, какие-то подозрения, что вот могут за ним прийти или это было как снег на голову? Как это вообще происходило?

Как снег на голову.

00:55:03

Только моего вопроса не будет.

Я поняла, я поняла. Значит, он был в командировке, в очередной командировке, где-то это было даже написано у меня, а может, я упустила совсем. И там вдруг пришла группа из КГБ, и, так сказать: «Вы арестованы». — «Как я арестован?» — «Да». И его, не помню где, но в какой-то республике он был в командировке. Причем решал какой-то вопрос там серьезный. И всё, и в Москву. И очень быстренько с ним расправились, очень быстренько. Что-то... Расстреляли на следующий день после принятия решения. Решение принимали три человека. Приписали ему, что он с чем-то согласился, а потом отказался при принятии решения, когда решался вопрос, куда его, он отказался: «Я этого не говорил». Это было, значит, в начале лета, когда я должна была родиться, я только-только, у мамы еще была, его арестовали. А осенью, в октябре, его уже расстреляли. Он недолго там был. И многих, я читала документы «Комсомольской правды», там что-то 50 с чем-то человек было арестовано. И от папы очень быстро все избавлялись, вот что подозрительно, все избавлялись. Там я положила первым листочком, как ЦК комсомола отказалось от него моментально. Моментально. «Враг народа — исключить». Тут же. То есть вопрос этот не развивался, был он таким или не был, ему вот это пришли, привязали — и всё, и он такой. А потом вот.

00:57:53

А коллеги, друзья, близкие?

А близкие вот писали. Но они не писали в тот момент. И вот что интересно... Стоит это говорить или нет? Наверное, не стоит. Не стоит. Не стоит. Вы только не думайте, что это прямо золото какое-то или еще что-то, что это пошло бы на пользу кому-то. Нет. Это ерунда, это знаете, такой вот, женский слишком. Это не тема даже для слушания, абсолютно неинтересная. Я ничего не скрываю. Вы чувствуете, наверное, я ничего не скрываю. Не такая. Ладно. Сейчас только, я выпью. А то как-то не идет.

00:58:54

Наоборот, даже не хочется лишних вопросов вам задавать. У вас так интересно мысль развивается, рождается и такой диалог с самой собой. Невозможно интересно за этим наблюдать, как вы себя останавливаете, потом подхватываете. Сама с собой поспорили, приняли решение, вообще. Мне кажется, если делать про вас кино документальное, то было бы прям очень любопытно.

Правда? Вот, артистка еще пропала во мне.

00:59:20

Не артистка, а просто человек, который так проживает очень-очень по-своему.

А мои дети, внуки и правнуки выступают, концерты дают. Скрипки, виолончель, гитара. Да, и дают хорошие концерты. А еще по специальности там работают.

00:59:46

Скажите, а что конкретно, какую статью, получается, отцу вменяли? Как это было?

Ой, там всё: враг народа, стоит за уничтожение советской власти, руководство советской власти, всё-всё-всё-всё. Вот это вот самый, самый, самый страх. Самый страх. Там вы прочтете. Это кошмар. А я положила сюда этот лист? По-моему, положила. То есть он не относился ни к чему так, не из-за того, чтобы скрыть что-то от вас, нет. Ну, если нет, то я доведу, я доведу сама своими...

01:00:33

А само следствие, сколько оно продолжалось?

Вот я говорю.

01:00:36

[Нрзб] подробности.

Ну, следствие продолжалось где-то с июня, скорее всего с июня, вот с командировки его, и до октября. Следствие было или не следствие, я не знаю. Мучили его, били или нет, вынуждали что-то говорить или нет, этого я не знаю ничего. И те, кто был тоже репрессирован из «Комсомольской правды», они тоже ничего не рассказывают. Вообще ничего не рассказывают о том, в каком положении они там находились. Они приезжали к нам, возвращались, отсидели свой срок, возвращались и были приняты в «Комсомолку» снова или в другие газеты. Вот там вы увидите, что один, другой работает там же или в другой газете.

01:01:45

А почему, на ваш взгляд, не рассказывали подробностей?

А я не знаю, мы не спрашивали. Нам не было интересно. И про папу не спрашивали. В смысле, вот как его там увидели или что. И в одно ли время их всех арестовали. Мы не знали, мы эти вопросы не задавали, мы только о папе думали. И причем так: когда я приехала в «Комсомолку», меня из кабинета в кабинет, а из этого кабинета только что ушел, а этот собирается, а этот уже тоже книжки сложил и бежать должен. То есть убежали все. Мне тогда это в голову не приходило, мне это, честно, вот сейчас пришло в голову. Что, скорее всего, просто боялись окружающих, тех, кто здесь. Потому что, видимо, там еще были вот эти вот «языки», которые сдавали своих ребят. Вот не нужен им больше папа хороший, мой папа хороший, они, значит, и написали мне. И, кстати, первый раз, когда я пришла в КГБ и мне дали посмотреть, по какому поводу он вот так вот попал в такую обстановку, в такое положение, там... Вот интересно у меня происходит, вы говорите, что я что-то, а у меня как будто меня останавливают. Как будто меня останавливают, у меня тут же памяти нет. Вот я не помню, про что я хотела рассказать. Вот это что? А я хотела рассказать, господи...

01:03:45

Видимо, вы за какой-то информацией пришли в КГБ, да?

В КГБ. Ну, я пришла перво-наперво в КГБ подать заявление, что с моим отцом вот то-то-то, он репрессирован. Что дальше? Что дальше? И что о нем известно? Жив он или не жив? Мы же не знали, что с ним. Да, я оставила письмо. Вскоре мне пришел ответ, что рассмотрено дело, отменено всё и он реабилитирован. Не реабилитирован, а он признан невиновным. Тогда о реабилитации вообще речи не было. Немножко позже мне пришло... Я, значит, хлопотала там, как получить библиотеку и имущество, где наше имущество, потому что всё было конфисковано. И мне прислали, что «вам, в общем, ответят и вам пришлют денежки». Прислали, но я вам уже говорила об этом, да? Что 10 тысяч за всё. И в основном перечень всего, что было конфисковано. И в основном все деньги за библиотеку, только за книги, а за вещи — там мелочи какие-то. Но это совсем другое, вы меня не это спрашивали, а у меня это ушло, даже совершенно ушло. Я не помню, о чем вы меня спросили.

01:05:27

А может быть, мы выйдем на это через другой разговор?

Да, наверное.

01:05:29

Хотелось бы вернуться. Арестовывают отца — что происходит с мамой, которая беременна вами? И я понимаю, что у вас же сестра старшая, да?

Да, [нрзб]...

01:05:39

Есть ребенок маленький. Что вам известно?

Да, когда мне исполнилось девять месяцев, нас, значит, сослали. Потому что было принято решение, ссылка, в Казахстан сослали, приняли решение о ссылке в Казахстан с семьей, с детьми, но дали возможность мне немножко подрасти. Когда мне стало девять месяцев, значит, нас выгнали из Москвы в Казахстан. Мы сначала жили, об этом нужно [сказать]. Мы сначала жили в Джамбуле. Город такой солидный для Казахстана. Мама там работала, я не знаю кем, потому что я была кроха. И оставила она мне память на всю жизнь — прищепила

мне пальчик. У меня тут такой шрам на всю жизнь. Я помню. Я помню, как я за ней бежала, она уходила на работу, я за ней бежала, чтобы она не уходила никуда. Я больная была, болела очень много, маленькая. И она, ну, она закрывала дверь не глядя, а я в это время туда руку сунула. Ну, короче, вот такая деталька. Ну, когда мама взяла билеты, ну, то есть на выезд туда в Казахстан, дедушка продал дом, перевел свою больную лежачую жену дочерям и поехал за нами. Ее папа, мамин папа. Она была его любимой дочерью. И потом вот с маленьким ребенком и с небольшой девочкой маме было бы тяжело там. Что она успела взять? А, соседка. Соседка, когда сказали, что их будут забирать все, ну, лишать всех вещей, как это называется? Забыла.

01:08:15

Конфисковывать.

Конфисковывать вещи. Значит, соседка по квартире всё забрала к себе. А когда мама, маме пришла пора выезжать в Казахстан, эта соседка принесла ей узел, говорит: «Вот, я сохранила. Я притворялась, что это всё мое». Всё сохранила, и вот мы там сфотографированы в Казахстане: я в одежках, маленькая, но в одежках, мелких одежках моей старшей сестренки, вот так. Ну, немножко отличались от населения. Одежда отличалась от населения этого участка, где мы потом оказались.

01:09:05

Как отличалась? Чем отличалась?

Ну, красотой, можно сказать. На мне там на фотографии курточка такая, которую там в Казахстане не видели никогда, богатая. И на сестричке тоже там какая-то одежда, на маме тоже. Потому что по приезде она пошла и сфотографировала. Ну, не сразу по приезде, а по приезде в другое, в другое поселение. Значит, вот она пошла и говорит: «Сфотографируемся на память, у вас чтобы что-то осталось». Ну, и одела она свое лучшее платье и вот нас с сестричкой одела. И потом я там даже во втором классе, фотография есть, меня в центр посадили, потому что на мне опять вот эта вот кофточка хорошая, красивая, московская.

01:10:05

А на момент ареста вы жили какой семьей, где и в каких условиях, то есть чего вас лишили? Можете еще здесь остановиться?

Мы жили на... Возле Тишинского рынка, вспомнила, возле Тишинского рынка дом был построен специально для работников высшего класса, и вот там давали квартиры. И папа, в общем-то, видимо, так они жили, одним домом, одной семьей весь этот дом. Он и сейчас стоит. И вот несколько лет назад я там добивалась и получила разрешение сделать памятку, последний адрес. Вот это прошла все ступеньки, чтобы нам там сделали вот эту табличку, последний адрес. Это недалеко от Тишинского рынка, так прямо рынок, переулки — и вот в одном из них такой дом, пяти-, по-моему, или шестизэтажный, может быть, чуть повыше, кирпичный. Вот там мы жили, недалеко от вокзала Белорусского. Вот потихоньку память потом дает.

01:11:38

Жили в достатке? Как жили?

Жили, спасибо бабушке, жили очень... Я просто маленькая была, я всегда была и накормлена, и всё, но когда мне было уже где-то лет шесть-семь, я, помню, ходила за хлебом. За хлебом нужно было пойти, значит, вот поселок такой небольшой, наша улица, дальше домики стоят, а дальше поле большое, а за полем железная дорога. За железной дорогой идти-идти-идти — и там хлебозавод. И вот на этом хлебозаводе рано утром давали хлеб. Там, значит, вот такой кусочек, это сейчас для меня... Нет, это тогда он такой вот был, видимо, он такой и был. Вот такой кусочек хлеба отрезанный, и вот он на семью, вот нас было четверо, на день. И бабушка ждал, когда я подрасту немножко, чтобы я сама ходила туда уже, за хлебом. И я потом только сообразила, потому что я когда шла, хлеб горячий, ароматный и очень вкусный, ничего дома такого нет абсолютно — я не знаю, чем они меня кормили, но всегда был завтрак, обед, ужин, там это всегда было, что-то бабушка делал. Огородик был небольшой у него, он там сажал всё время. Он такой вот, поэтому-то и поехал, в общем, он в этом деле знал, как помочь маме. Мамы практически дома не было никогда. Я даже там писала, что я не помню, мама брала ли меня на руки, обнимала ли, целовала ли, гладила ли по головке, я этого не помню. Я совершенно не помню маминых рук. Я даже это написала. Всё бабушка. А бабушку я звала папа, потому что мама звала его папа. Ну и что? Я маленькая была, и первое, что я услышала, что это папа. Вот как мама говорит «папа» — он оглядывается. А я сказала «папа» — и он тоже оглянулся. Ну, так и осталось это.

01:14:12

Расскажите о вашей жизни в ссылке вообще. Помните ли вы пространство, как была жизнь организована? Мы остановились на том, что дедушка продал дом и поехал помогать.

Да, да. И он там на остатки своих денежек купил маленький-маленький домик. У нас там, значит, вот такая хатка, как они там называются, замазанная сверху и снизу. Ну, они делают дома из навоза, уплотняют и туда травы добавляют, делают кирпичи, высушивают их, а потом, значит, всё красят краской белой. И такой беленький домик. И у нас дверь, вот входишь — здесь кровать стоит, вплотную там через стульчик стол. Вплотную тоже через стульчик — для вещей, ну, для всякого оборудования кухонного. И печка. За печкой детская кроватка моя, дальше просто тумбочка. Вот так кровать напротив мамина, а здесь столик. И всё. Вот такая у нас была площадь. Ну, дедушка пристроил там еще кое-что для хранения овощей и всего, ну, то, что он собирает, продукты разные зимой. Зима там, там резко континентальный климат на Южном Казахстане, очень жаркие лета и очень холодная зима, прямо холодная, холоднее, чем в Москве. Ощущения такие. Сильные морозы там были, и снег выпадал очень крупный. Ну, у меня воспоминания детства самые-самые светлые, самые хорошие. Потому что дедушка делал всё, чтобы я ничего не чувствовала. Причем сестричка, я бы не сказала, что она тоже страдала от чего-то. А мама работала с утра до ночи. А мы там находились без права прописки и переписки, в таких условиях жили. Она никуда не могла ни пойти, ни поехать. Сначала в Джамбуле мы были, там пока изучали, руководство, видимо, казахстанское руководство изучало, кто она, что она, куда ее определить, в какое гнездо, до отправки. Это я просто сама так думаю. И потом нас отправили вот в Мерке, маленький поселок. В основном казахи там и ссыльные. Ссыльные еще в 1920-х годах, ссылались все вот эти меньше[вики], как они назывались-то? Господи. Ну, все богатенькие, короче говоря, ссылали, в ссылки отправляли на дальние территории от центра, и вот там они были. Ну, у них уже были хорошие сады с яблоками и со всякими фруктами. В общем, они там себя обосновали хорошо, потому что им можно было вывозить что хочешь, что можешь вывезти, когда их в ссылки посылали. Это из... Ну, не буду я вдаваться в подробности такие. Я просто к чему говорю: а на наших территориях, на таких, как мы, ссыльных, вообще ничего не росло. Ничего. Земля была такая жуткая у дедушки, которую он обрабатывал! И он, бедный, откуда-то приносил земельку хоть какую-то хорошую, чтобы в этом году что-то такое у него было, родилось, картошечка, немножечко того-сего, в общем, для еды.

01:18:33

А вам известно, какое отношение было к вам у местного населения? Местное население как относилось?

Я очень хорошо помню, что в меня был влюблен соседний мальчик. В школе мы учились в одном классе, и он так хорошо ко мне относился. А других... Нормально. Абсолютно нормально. Потому что все... Мама работала, ее там определили, она работала землемером. А землемер — это высокий пост, потому что она отмеряет кусок земли, на котором, допустим, вот я, житель постоянный, могу себе организовать огород. Это не на территории поселка самого, а за пределами. Там площади большие, в подножье гор, и на этих площадях мама делала замеры, между речушками, между канавками, между всем, и выдавала... Это потом начальство выдавало кому-то там, кому нужно. Но об этом я узнала уже, когда что-то стала соображать и когда меня дедушка взял с собой прогуляться в этот участок, на эти участки. Это далеко было для меня от самого поселка, но очень интересно, потому что между каждым участком канавы, и там вода. И вот этот землемер мало того, что определяет эти участки для выдачи, она должна еще туда прийти утром и всем по очереди выделять воду: вот сегодня Петрову в первую очередь пойдет, потом после него пойдет Комарову, а вы ждите, ваша очередь только завтра или послезавтра, потому что с водой там неважно, конечно, хоть и горы, но рек мало.

01:20:53

Можно я уточню? А как можно было такую получить высокую должность, будучи женой изменника родины, будучи политзаключенной?

А там не было ни одного человека с образованием, в Мерке. Ни одного. А кто-то должен был мерить и выдавать это всё, а начальники, они должны были отчитываться. Ну вот хорошо, что они маме в руки попали, потому что был порядок. Ее очень уважали люди, но никто не выражал внешне это, никто не мог ничего сказать, там что-нибудь, «Клава, ты то-сё». И Клава с утра и до ночи была на работе.

01:21:42

То есть предубеждений, каких-то косых взглядов, намеков, что вы тут враги народа?

Нет, наоборот. Все понимали.

01:21:49

Только моего вопроса не будет, можете развернуто ответить?

Там даже, знаете, как было. Вот одна семья, ну это когда я уже школьницей была. В первом классе, помню... Я немножко отвлекусь, только чтобы мне не забыть, о чем вопрос был. В первом классе подружка, мама при мне, мы пришли к школе, мы стоим, а мама говорит: «А почему ты Мариночку не приглашаешь в гости?» Очень хорошо я это помню. А та так посмотрела на меня ревностно, что мало того что подружка, так еще в гости. «Ну пусть приходит», — говорит. И вот после школы она меня повела к себе в гости. Мы там чайку попили, наверное, что-то еще, это я не запомнила вообще ничего, но когда я пришла домой и нужно было делать уроки, я увидела, что портфель я забыла у нее, вот как мне было плохо! Это была для меня такая жуткая катастрофа, мне было очень страшно: как это завтра? А я отличница была, я отличница — приду и учительнице скажу, что я вот у нее забыла и поэтому не сделала уроки. Страшно переживала очень, это было для меня самым жутким моментом жизни в ссылке.

01:23:26

Переживаний, связанных с тем, что как-то относились из-за вашего статуса, вообще не было?

Нет, ни в школе, нигде, потому что я была очень активная, знала больше других, потому что, видимо, всё-таки сказалось присутствие дедушки, мама грамотный человек, Инна всё-таки на семь лет старше, сколько она, она отличницей там тоже была. Но я там проучилась только первый и часть второго класса, и всё. А Инна там хорошо... Я на всех концертах выступала, пела, плясала, такая была, очень активная. Я активная очень по жизни. К чему вот... Я же сбила вас, не ответила на ваш вопрос, а увела. И даже были случаи, вот был случай такой, я тоже запомнила, что одна из мам устроила праздник, то ли день рождения этой девочки, с которой мы учились, то ли это был мальчик, я не помню кто, но она устроила праздник дня рождения у себя дома, видно тоже из сосланных. Я не помню, потому что она жила за пределами вот этой железной дороги, там в центре. И там я впервые попробовала сыра кусочек. Это меня поразило ужасно: сначала неприятно как-то, что-то соленое такое, а потом мне так понравилось! В общем, кусочек мне достался сыра. Вот такие впечатления. А так чтобы яблоки, персики, там всё это росло, причем всё свисало за пределы сада, прямо на дорогу, где мы ходили. Но боже упаси сорвать вот это — ни в коем случае. Чем мы лакомились? Значит, всякие ягодки возле речки там росли. На деревьях, зацветает какое-то дерево, мы ждем, когда это созреет, цветочек, и мы его будем есть, потому что он очень сладкий, очень вкусный. Мальчики наши, соседские, забирались наверх и ели. Девочки тоже, которые были уже в возрасте этих мальчиков, тоже могли туда, их тоже пускали. Они нарвут-нарвут — и спускаются и с нами делятся. И помню, я тоже дожидая до такого возраста, что мне разрешили залезть, и я там себе ладошку целую набрала ягод. Вот это я хорошо помню, это годы моего детства. А так и не... Купить не на что было, для нас, у соседей хотя бы, яблоки там, абрикосы или еще что-то, виноград. Много у них всевозможных, у них очень богатые были и участки, и фрукты. В общем, они хорошо жили, вот те, кто раньше нас приехали, не в ссылку... Ну, в ссылку, но по другому поводу совсем. Это из Крыма и из других, из разных республик. Как они назывались, эти люди?

01:27:09

Раскулаченные?

Раскулаченные.

01:27:12

Скажите, а вы... Понятно, что были совсем маленькая, но может быть, сестра постарше задавала вопросы: почему мы вообще здесь, как мы тут оказались? Эта тема, что вы ссыльные, что вас репрессировали, она когда стала вообще обсуждаться? Сестра, наверное, хорошо помнила жизнь в Москве, и тут вдруг вы оказываетесь в поселке в Казахстане. Были ли вопросы: мама, почему мы здесь, за что мы здесь?

Нет. Вопрос, почему мы оказались в ссылке, и вообще вопрос самой ссылки не обсуждался никогда. Пойдет? Вот никогда не обсуждался. Просто он не вставал, не было повода, не было причин — или при детях об этом не говорили, мне непонятно, ни окружающие люди, ни мы. Но в какой же момент, я не помню, в какой момент произошло, произошел этот... Это произошло, когда мы поняли, что мы здесь не такие, как все. Вот пока маленькая была, я не помню, всё хорошо было. Купались на речке, там было вот так вот, по колено мне было, вот такой, в водичке, она с гор опускалась, и горы далеко, но тем не менее вот водичка шла. И на переходе, дорога, переход по этой речке, не было мостика, а можно было пройти и так, пошлепать, а пока

дойдешь еще пять метров, высохнет всё мокрое. А мы там плавали и даже ныряли, я помню, в этом месте. Вот эта речка у нас была для такого, для развлечения детского. Игры были у нас очень интересные. В песке, выходишь из калитки, песок такой хороший, желтенький, шелковый такой, и мы там в куклы играли, собачки, во что хотите. Так что игр было много. А вечером у нас была работа, у всех детей: нужно было обязательно встретить скот, который возвращался с пастбища, и собрать самое горяченькое всё, всё, что они оставили на дороге, и чем больше соберешь, тем ты ценнее. Вот так. Это было прям... Мы бежали все наперегонки: это мой участок, всё, это мой участок. И вот клали всё это в ведро, приносили. Ну, что я ребенком могла там, какое у меня могло быть ведро и сколько я могла принести? Но я приносила, ставила, вываливала, а потом из этого делали кирпичики, приклеивали их к стене забора или сарая, или какой-то постройки. Они высыхали, и это были кирпичи для стройки, для постройки или для следующей там... Для отопления. На зиму собирали вот эти кирпичики топить печку.

01:30:57

Можем мы дальше пойти по истории? Вы сказали, что вы только год проучились в школе?

Два. Два. Первый и второй класс.

01:31:05

Что происходит дальше в жизни в вашей, в жизни семьи?

А дальше, значит, скончался дедушка.

01:31:15

Можем сказать, какой это был год, да?

Это был 1946 год, 1946 год.

01:31:24

А мы вот так перелетели через период войны. Это никаким образом, ваша семья, [врзб]?

Нет. У нас был репродуктор, и он у нас всё время с шести утра работал. Мы были в курсе, мы очень переживали вот этот момент, мы переживали все. Я, как ребенок, собственно, как я, я не переживала, но я слышала это всё. Я слышала, я видела, что это «ой» или «ой, слава богу» — значит, и у меня тоже «слава богу». И тоже очень страшно. В общем, вот эти все события прошли через меня, это я очень хорошо помню. И победу вот... Ой. Ну, такого еще не было сегодня. Вот эту победу, у меня даже слезы сейчас польются, там переживали очень бурно, потому что, хоть всё это далеко, но, видимо, от этого поселка не один человек ушел на фронт — и ни один не вернулся, может быть. Так сказать, это был очень серьезный момент в жизни, да. И я очень хорошо помню даже цвет этого репродуктора, и мне казалось, что он даже цвет поменял, потому что там такой голос шел из репродуктора, такие слова говорили, я, может быть, ничего не соображала, но радостно, всё хорошо, всё кончилось, всё наконец стало... Вот так, вот в этом направлении. Вот это я очень хорошо запомнила. Да, правда, я об этом ничего, ни слова, но это был очень серьезный момент для нас. И дедушка умер, значит, вот как раз после этого. Нас забрала, и он упросил соседку, которая вот была как раз сослана по линии, не по нашей линии. Она очень хорошо к нам относилась, у нее двое детей, сын и дочь. Она обеспеченная была, у нее хороший участок, хороший дом настоящий, ну то есть это люди приехали, обосновались так, как им хотелось, как они жили раньше, так и здесь будем жить. Ну они к себе особенно никого не подпускали, а к нам, к нашей семье они хорошо относились, участвовали в похоронах дедушки, всё обеспечили, всё сделали, и мало того, она забрала нас с сестрой к себе, а домик закрыли. Мы жили у нее, и куда девать нас, она не знала. Ну, она писала...

01:34:36

Про маму ничего еще не сказали? То есть каким образом она отбирает вас к себе, если мать живая?

Я не сказала, да. Значит, где-то начиная с года, наверное, 1944-го, мама стала чаще бывать дома, но так, посидит — и ушла, посидит — и ушла, на работу ушла. Чаще приходила просто, не участвовала в жизни дома, потому что я не помню ее ни за чем. Дедушка готовил, дедушка убирал, дедушка всё делал абсолютно. У мамы, видимо, были какие-то другие задачи, дела и всё другое. Мы с Инной делали уроки. А вот от меня это ускользало, но она просто, я теперь

вспоминаю, что она всё больше и больше жаловалась на что-то. Потом начала жаловаться, вот это я хорошо помню, она начала жаловаться на то, что упала с велосипеда. И дедушка говорит: «Я ж тебе говорил, что тебе нельзя, что врач сказал» — вот это я хорошо помню — «Что врач тебе сказал». Она говорит: «Он мне вот прописал то-то, то-то». — «Делаешь?» — «Делаю». И вот всё хуже, хуже, хуже, хуже, хуже. И я помню, что мама говорит дедушке, он ей говорит: «Ты совсем желтая». Она говорит: «Да это солнце, не волнуйся». И он настоял на том, чтобы она поехала в Джамбул к врачам. Она поехала, ее там оставили. Оставили, и вскоре, ну, не вскоре, потому что я время не знала, много прошло или мало прошло времени с ее отъезда, потому что она очень редко была дома. И я смотрю, что-то я прибежала домой, смотрю: у нас много женщин в доме, тесно и встать негде. И дедушка сидит такой весь поникший, а потом говорит: «Я ложусь». И лег. Я к нему: «Дедушка, ты чего?» — «А, головка закружилась». — «Ну, пройдет, ты не переживай». Я и тогда доктором, наверное, была. «Это всё пройдет, не переживай» — то, что он мне всегда говорит, я, значит, ему эти слова. И вдруг одна из женщин заходит и говорит: «А когда похороны?» При мне об этом не было разговора. Ну, все ей, конечно, вот это я очень хорошо помню, ей показали народ, ну а она: «Ну, — говорит, — чего уж теперь». И тут дедушка заплакал, а я: «Дедушка, не плачь, дедушка, да ты что?» Он говорит: «Мамы больше нет». А я говорю: «А тебе плакать нельзя». И я его утешала, я его утешала, вместо того чтобы «что?» и реветь, значит, я его [утешала]: «Не надо плакать, а то у тебя головка заболит». И так я от него не отходила, вот это я хорошо помню. Были похороны мамы, Инна испекла ее любимый пирог. Были женщины. И вот после этого нас забрала соседка, дедушка ее позвал, соседку, и говорит: «Я ухожу уже. И вот когда я уйду, ты забери, можешь забрать детей к себе? Потому что я написал в Москву письмо, но мне ответа нет». В Москву родственникам письмо, чтобы забрали детей, потому что у нас был срок пять лет ссылки, а это уже больше пяти лет прошло. В начале 1938 года нас сослали, а вот в 1946-м мы только в Москве оказались. А нас же некуда брать, нас, кто возьмет? Одна без мужа, потому что его тоже арестовали, неизвестно за что, его нет. Он пошел на работу и не явился домой, и она даже не стала его искать. Она поняла, что вот, видимо, что-то такое произошло похожее. У другой муж еще на войне. Там, короче говоря, некому было брать и нечем кормить двоих детей, двух детей.

01:39:54

Сейчас про родственников говорите или про соседей?

Про своих родственников. Ну а соседи, конечно, никто не мог взять, а вот эта женщина согласилась, она нас взяла к себе. И когда дедушка скончался, он скончался после мамы, где-то месяца через три, вот здесь было, конечно, тяжело, очень тяжело, потому что мы остались с Инной, но соседка тут же нас забрала, тут же. Хоронили, много народа было, когда его хоронили, он очень хороший был, такой добрый. А маму так и похоронили там, от больницы, потому что некому было ехать за ней, некому было привозить и некому было хоронить здесь на месте. Я не знаю как, разрешили или не разрешили, неизвестно. Неизвестно, потому что некому было, Инна ребенок, а дедушка слег тут же. И вот мы жили у соседки, и вдруг приходит, я не знаю даже, как это было, подробности не знаю, но знаю, что пришло известие, что за нами едут. Видимо, это Инне сказал кто-то из руководителей этого поселка: «Мы разрешили, чтобы к вам приехали». И приезжает женщина, она работала по папиной линии, она занималась беспризорниками, и, видимо, хорошо знала папу. Она руководила в Москве вот этим всем управлением по беспризорности, была старшей там. И нужно было поехать забрать. Да, и она шла просто гуляла, не просто гуляла, но шла по улице и встретила сестру мамину, моей мамы. «Как там дети, как Клава, как что?» Она говорит: «Клавы нет, папа тоже скончался, и девочки сейчас одни, и забрать их некому, потому что бабушка старенькая, поехать некому за ними, а сестры папины не могут, потому что у них тоже дети, и их тоже не оставишь, и кормить их просто нечем будет». Ну и она устроила себе, я не буду рассказывать, это не для печати. Она устроила себе отпуск и приехала за нами. Вот тут есть два листочка, как ей дано разрешение приехать и потом почему она забирает детей и вывозит. И там хорошо написано руководителями казахского вот этого поселка, хороший такой текст, что «детей взять некому на воспитание, и мы добились разрешения вернуть их в Москву», по-моему, так написано. Может быть, я так хочу, но, по-моему, так написано, мне что-то понравилось. И, наверное, так написано. И вот она приехала, быстренько оформила все документы, ну, конечно, там прошло время, это «быстренько» не надо думать, и повезла нас в Москву. Очень интересно было, как мы ехали. Мы спали, общий вагон, и вот самый верхний этаж, куда ставились чемоданы и всякие, вот такое расстояние от потолка до лежака. Мы спали с сестрой сначала там, на этих вот лежаках. Потом, по мере того как люди выходили, уже пониже нам удавалось лечь. А однажды в каком-то городе она добилась, она лично, по-моему, да, я не ошибаюсь, добилась, чтобы детей положили... Да, поезд должен был стоять всю ночь где-то на каком-то вокзале, наш поезд, и она пошла, добилась, чтобы детей положили в спальню, привокзальную спальню для детей, но ей только меня разрешили туда оформить, а Инна — уже возраст не тот, уже она большая, так сказать, уже совершеннолетняя. Но я такой подняла крик: «Не пойду, и всё, не пойду! Вы уедете, вы меня оставите, вы забудете или вы не успеете!» В общем, я кричала очень убедительно, я это помню. Тогда разрешили Инне лечь в моих ногах, вот мы с

ней там спали, никто не уехал без нас. Ну, в общем, приехали, а тут за нами никто не приходит, вот эта вот женщина, значит... Что-то выскочило из головы у меня ее имя и отчество.

01:46:26

Она вас привезла к себе домой или она придумала для вас...

Она привезла сразу к себе домой, потому что это была ночь, я помню, мне на стульчиках постелили, я махонькая. И вот в маленькой такой комнатеночке, я очень хорошо помню, а утром она перевезла нас в наш дом, где мы жили, но напротив нашей квартиры, квартира соседей, которые у нас вообще питались и жили постоянно, как Инна говорит: «Ой, так это же, они же наши родственники». А потом уже ей объяснили, что это не родственники, а это просто желающие ими быть. И к ней тетя Роза, подселили, и я помню, мы хорошо спали на диване на хорошем, в ванне помылись, там уже все удобства. И нас манной кашей накормили, а я и не знала, что такая бывает, и чем-то еще, и тут пришла моя вот эта тетя, мамина сестра, и рассказывает, что «да, я вот разговариваю, договариваюсь с бабушкой, с нашей бабушкой, с сестрами Антона, чтобы взяли девочек». Ну, а на следующий день... Еще сутки мы побыли у тети Розы. Да, я там и рисовала, там у них и стол письменный, и шкафы такие прямо красивые, все гладенькие, ну, не видела в жизни своей ничего такого, и, в общем, удивительно, и квартира такая, и так хорошо. Точно такая же напротив, но нас туда не проводили, там было закрыто, и, в общем, это нас не касается. Как-то так было, но это я сейчас вредничаю, это сейчас мне пришло в голову, а так мне никогда не приходило в голову. А почему, собственно, должны туда нас провожать?

01:48:55

Вы имеете в виду ту самую вашу квартиру?

Нашу квартиру, да, где мы жили, из которой нас выгнали.

01:49:02

Что там было на этот момент?

А я не знаю до сих пор, не интересовалась, потому что ну что, действительно, люди получили, мало ли что, почему, да как? Они получили, живут, чего им еще переживать за кого-то, господи, ну с какой стати? Ну есть такие.

01:49:26

Вы сказали, что провели там еще один день.

Да, и на следующий день пришла бабушка, приехала бабушка к нам. Маленькая, худенькая, в одежках еще дореволюционных, наверное, такая вся. Я сказала девочкам своим: «Нет, по миру пойду, но детей не отдам в этот детский дом, так что и не ждите. Я буду, я буду побираться, но детей никуда не отдам». Ну и они вынуждены были. И вот тетя написала, значит, желание стать нашей, так сказать, нашим руководителем, разрешили поселить у бабушки нас с Инной. У бабушки комнатка, сколько там, метров 14, ну и всё. Так мы начали там жить. Ну а дальше школа, я второй класс там не закончила, последнюю четверть, но в Москве, естественно, пошла снова во второй, потому что там уровень совершенно другой, с Москвой не сравнить. Ну и потихоньку-потихоньку жизнь потекла своим чередом.

01:51:14

То есть опекуном стала, получается, сестра мамы?

Сестра. Нет, сестра папы.

01:51:21

Сестра папы.

И она всегда помнила о том, что с мамой они не были дружны, с моей мамой, и даже это до меня дошло, я это слышала, мне это было сказано.

01:51:38

А как вам жилось с сестрой папы?

С сестрой, ну, нормально.

01:51:43

У сестры папы с вашей сестрой Инной, что вы вспоминаете, когда вот отправляетесь мыслями в те года?

Знаете, нормальная жизнь была, нормальная, потому что я жила своей жизнью, ничьей, вот своей. А мне самое главное, чтобы было какое-то занятие. Я занималась во многих кружках, дошла, наконец, до балета, а тут мне вдруг, я вдруг решила, что чего это я должна быть просто так здесь? Я уже созрела для Большого театра, у меня способности, и главное, что меня отмечали в этом кружке. И я подошла к руководительнице и говорю: «А когда к нам придет комиссия из Большого театра отбирать?» Она устроила, она устроила комиссию, и меня отобрали, так что балерина перед вами почти.

01:52:54

Когда вы вообще впервые узнали о том, что случилось с отцом, про репрессии и так далее? Когда возник этот интерес или, может быть, просто услышали от кого-то? Только развернуто, если можно.

Да, когда мы жили еще там, в Мерке, я, видимо, с возрастом начала понимать разговоры, которые велись в нашей семье, в нашем доме между посторонними или Инны с бабушкой, и кто пришел, и о чем говорил. Всё время были направлены, ну не всё время, но очень часто были направлены на то, что нам всё-таки надо, уже всё закончилось и нужно уже переезжать в Москву, потому что срок закончился пятилетний. И срок ссылки уже закончился, почему никто не решает этот вопрос переезда? И где Антон? И где кто? А кто Антон? Антон — папа, оказывается, вот это я узнала, что не бабушка папа мой, а папа. И я уже тоже, я очень хорошо помню это, что я в своем мозгу тоже поселила вот эти вот вопросы и думаю... Стала прислушиваться больше и узнавала, что таких, как папа, много и они в разных местах живут, они не дома, а их отправили в другие места, и они там. Только вот им надо написать, где мы, чтобы они за нами приехали. И у меня вот это, очень хорошо я помню, зародилось, но я ни с кем не делилась этим, ни с кем не обсуждала, это было глубоко, глубоко где-то во мне, это вот я сейчас, собственно, вот вопрос — ответ. И вот это я вынашивала, и потом это стало моей мечтой — обязательно добиться того, чтобы узнать, где папа. Что это такое вообще — папа где-то, а мы где-то, мы в разных местах, почему не вместе? И вот уже в Москве, я не помню, в каком классе. А, даже с самого начала, я помню, меня провожала, мы жили от школы в таком районе, где я каждый раз, и утром, ну, утром идя в школу и возвращаясь потом домой, я проходила пять переходов, должна была пройти, переходов. Значит, здесь светофор, здесь, здесь, здесь светофоры, и вот машины, значит, туда-сюда. Я перешла, останавливаюсь посередине дороги и здесь стою жду, здесь, здесь, здесь, пять. Ну и учительница меня пожалела, молодая такая, хорошая очень, и стала меня провожать до дома, потому что ее дом недалеко от моего был. Она меня просила подождать ее, не уходить домой, вместе пойдем. И вот как-то мы шли, и она стала меня спрашивать: «А кто, с кем ты живешь, как, что?» Я говорю: «Ну вот у меня две тети, бабушка, брат, сестра, там еще сестричка». — «А кто твои родители?» Я говорю: «Ну вот папа был арестован». Это я уже знала, значит, я уже знала. «Был арестован, но вот мы его ищем, мы его найдем». — «Да-да, надо искать. А с кем же вы живете, кто еще есть?» Я говорю: «Ой, дядя у меня профессор, другой дядя работает в Совмине». Это Совмин, я не знала, что это, но это Совмин, я знала, что это что-то очень высокое. «А тети, они шьют, они работают на фабрике швейной и там и вяжут вещи, и шьют вещи». В общем, все такие у меня высокого класса родственники. «Один дядя на войне был, мы ждем его». Ну а там, значит, у бабушки умер средний мальчик, который был таким, она его называла идеальным и замечательным, под столом который сидел, и младший родился, когда 42 года ей было, младший, девятый родился, и на четвертом году он умер. Заболел воспалением легких тяжело и не выжил. Вот такие были вещи. Ну и папа, в общем, три мальчика, троих мальчиков она потеряла. И я, значит, рассказала ей, и на следующий день она говорит: «Ой, я тебя прямо до дома провожу, бабушку твою навешу». Видимо, она подумала: девочка, наверное, очень хорошо мыслит, если такие сказки рассказывает, какая у них семья, видите ли, папа там арестован, а вся семья процветает, в таких организациях работает. Да, а тетя работала, третья тетя работала при Совмине в бухгалтерии, то есть это тоже Совмин, бухгалтерия, такие организации все, не может быть такого в доме. Ну, короче говоря, она пришла домой, с бабушкой стала разговаривать: «Ой, у вас, я знаю, много детей, да? Ой, надо же! И как они устроены, где они работают». И бабушка — слово в слово, потому что я-то слова бабушки повторяю, [мне] же больше не от кого было взять эту информацию. Всё слово в слово. Ну и всё, и меня она оставила в покое, и я чуть ли не стала там первой, так сказать, организатором всего в дальнейшем, потому что и пионерские работы я вела очень хорошо. Меня так вот направляли и выбирали, чтобы пионервожатой была или воспитателем в классе, уже в 10-м классе, а мои бывшие воспитанники уже до 7-го класса дошли, так что там уже не вожатый, а вот воспитатель только мог быть. То есть вот так вот мне всё время давали работу не по классу, а по школе.

02:00:18

А вот после разговора с — извините, что я перебиваю, — с учительницей, да, как вот вы дальше эту ниточку тянули, чтобы расследовать эту историю с вашей семьей?

Да, значит, у нас около школы, выходишь — это Бутырская улица, там, где трамвай проходит, — выходишь из школы, и сразу за поворотом такой домик стоял. Я не знала, что это за домик, но вот однажды из стекла, по стеклу мне постучали изнутри, я так, помню, руку положила, она открывает это окно и говорит: «Высоцкая?» Я говорю: «Да». — Марина?» Я говорю: «Да». «А я, — говорит, — оформляю всегда вот тебе посылочки». А посылочки там разные, это продукты, добавка была мне, еще не были реабилитированы, не были, еще были репрессированы все родители мои, а уже вот этот детский комитет сиротам, наверное, не обращая внимания на уровень и кто и по какому... Ну, раз уже закончился срок... Но это я сейчас прибавляю, закончился срок отбывания наказания, значит, можно уже ребенку без родителей помочь, сиротам оказать помощь. Она говорит: «Я тебе хочу сказать, что твой папа ни в чем не виноват, запомни это». И всё, всё, что она сказала, и окошко быстренько закрыла. И, видимо, во мне это, — да, пошло, — видимо, во мне это так хорошо, то есть совпало с моими ожиданиями, с моим отношением к папе, что вот уже дальше я только и думала о том, что как помочь, как вытянуть, как узнать. Ну, не этими словами я, конечно, но это где-то внутри во мне зародило такое просто не уходящее, никуда не уходящее, не пропадающее желание всё решить, всё узнать, всё поставить на место.

02:02:48

В какой момент вы решаете, что всё, надо переходить к действиям и узнавать всякую уже правду? Вот сказала эта женщина, да, отец не виноват, а дальше? Еще какие были мысли?

А я еще была маленькая, еще даже, по-моему, да, пионервожатой я не была, нет, там надо мной еще все стояли. А когда это пришло? Видимо, были какие-то... Ведь всё двигается, радио у нас всегда работает, какие-то решения там обсуждаются, вот как и сейчас, обсуждаются разные решения, как последний адрес — это же я тоже увидела в интернете. И, видимо, вот одно из таких, один из таких моментов появился в 1956 году, потому что до этого я не могла, я никуда не обращалась, или я была еще слишком маленькая и знала, что меня не примут.

02:03:59

А к бабушке с расспросами, к тете, не знаю, после того, как вы услышали, да?

Нет, ой, они столько натерпелись! Нет-нет-нет, я ни с кем не обсуждала это и не могла обсуждать, потому что они со мной не обсуждали этот вопрос. Им в голову не приходило, мало того, вот я вам говорила, что старшая сестра папина, ее муж ушел и не вернулся, и они никуда не обращались. Она сидела тихо-тихо-тихо, потому что она была очень напугана, что мама получила после того, как что-то узнала. Моя мама. И она боялась этой же участи, на ней двое детей тоже, не дай бог, и она молчала. И меня никто не направлял, наоборот, они очень боялись. Они очень боялись, что я заварила вот эту историю. Я обратилась в один из отделов КГБ, который находился на Сретенке, напротив магазина, и там, когда я вошла, был народ, было достаточно много народа, а я держала в руках свою записку с просьбой рассмотреть папино дело и сообщить, чем это рассмотрение закончилось. И когда ко мне подошел дежурный, он спросил: «Девочка, ты что пришла?» Я говорю: «Вот я о папе хотела узнать». И он мне сразу помог. Очередь я не отсиживала, он забрал документ, зашел и вышел и говорит, что «всё, ваш документ я забрал». У меня не было ни сомнений, ничего, что там могли забрать и растоптать или выбросить, а что вот так быстро всё решилось. Значит, эти люди по другим вопросам. Скорее всего, что они по другим вопросам там были. И больше я ни разу не возвращалась в это здание, меня уже направили потом, [меня] пригласили, мне прислали приглашение уже в КГБ. Пригласили туда и там тоже меня встретили, я не знаю, как будто прям ждали меня: «Сейчас принесем, сейчас принесем дело, всё вам покажем, всё сделаем. Садитесь, вот эта комната для вас». Там специальная комната, в которой сидела еще одна женщина, а потом она ушла, я одна осталась. Там, наверное, столов пять стоит для таких, как я. И мне это дали, я читаю и думаю: мамочки... Всё, всё здесь, всё абсолютно.

02:07:25

Что вам дали на руки? Что там было?

Дело папино, всё дело папы. Ну не всё, не всё, первый раз не всё, частично, то, что могли дать, что осужден вот за это, за это, потом пересмотрено дело и он считается невиновным. Был репрессирован, короче говоря, вина снята, и он восстановлен в партии. Ну, это меня вообще... А, я же уже членом была не комсомола... Ну да, я уже была в комсомоле.

02:08:22

А можно я спрошу? Вы помните вот эти чувства, когда дело оказывается у вас на руках, что первое вы прочли? Как вы себе [нрзб]?

Вы знаете, это дело, вот я первый раз когда читала, у меня было такое ощущение, что всё, что я собой представляю, вся моя сущность физическая, что я присутствую при всех этих событиях и что всё это происходит на моих глазах, не расстрел, нет, ничего, а все эти обиды, обиды, которые несут эти неправильные слова, неправильное отношение к человеку такому хорошему, как мой папа, и вдруг такое ему, так сказать, привязывают, что он и такой, и сякой, и разэтакий. Мало того, когда мне дали это дело, они не учли, что там были приложены доносы. Представляете? Доносы. И там были указаны люди непосредственно те, кто помог это сделать, арестовать, сотрудники. Я немножко... Вот я второй раз на этом остановилась... Нет, я имею право сказать, я имею право сказать, потому что там был один донос человека, который потом прислал, человек, чье мнение о папе находится здесь сейчас. То есть он не писал, просто воспользовались его фамилией, и всё. Я тогда это поняла, потому что он не мог так сделать, он не мог написать, то есть всё было ложью, мягко говоря. Никто не писал, кому нужно было сделать с человеком плохое, он сам и писал, ну не сам, но его помощники. Не знаю, я понятно говорю или нет, мне не хочется вещи называть своими именами.

02:11:24

Почему?

Не знаю, пачкаться, что ли, не хочется. Или я не имею права. Может быть, это просто домыслы, ну как может быть, чтобы одновременно один и тот же человек, от одного и того же человека мне в руки по одному и тому же вопросу поступили два противоположных мнения? Такого не может быть, тем более в таких высоких организациях за этим же следят. Я, может, непонятно говорю.

02:12:09

Я понимаю, но если можно, всё-таки для зрителей расшифровать: два противоположных мнения. Я правильно...

Может быть, мы просто оставим между собой это?

02:12:23

Как скажете.

Бог с ними, бог с ними, пусть их господь простит. Они и так уже, господи, получили свое, все эти люди, которые так издевались над... Я так удивилась, когда получила совершенно противоположное мнение. Давайте не будем об этом говорить. Не будем. Это как бы обвинение, а доказательств нет, потому что того дела нет, из него я ничего не могла взять. А то, что я записала бы на бумажке, — мало ли кто еще что пишет на бумажке? У нас этого нет и не было. Так что это недоказуемо. Не будем это ворошить. Я просто, знаете, вот с вами как-то разоткровенничалась. Я никому не говорила об этом. Я хотела ему даже написать письмо, когда увидела его отзыв развернутый. Увидеться с ним хотела, сказать, что вот какой поклев на вас. Ну а что толку? Той мелочи, которая этим поклепом занималась, уже нет. Их же сразу убрали всех. Отходы — они и есть отходы. Не будем о них. Ладно?

02:14:09

Вы говорите, что не хотите обвинять этого человека, потому что это всё недоказуемо. А кого вы обвиняете, можете уверенно обвинять?

А вы знаете, некого, некого. Мне некого обвинять. Каждый шел в своей линии, у каждого свой характер, каждый добивался своего, чего хотел. Ведь я не буду обвинять того, кто хочет стать богатым, или кто хочет стать бедным, или средним. Я не буду их обвинять. Ну такие люди, такие рождаются, такие вот выбирают такой путь и идут им, и уверены в себе. А наказание они получают помимо меня. Они уже наказаны. Не те, кто вот, я не о тех конкретных говорю, наказанные, а вот он уже сам по себе, уже наказан, потому что у него какой-то выбор жизни, и он не виноват, потому что у него гены такие. Ему это природа подарила. Но я говорю по-другому: так направлена, на такой путь направлена его жизнь. И видимо, чье-то он... Не буду больше разбираться.

02:15:31

Но людей, людей и человека конкретного, который стоял за всеми этими репрессиями, ну мы говорим о Сталине и так далее, вы можете [нрзб]?

Нет, нет, я тоже его не осуждаю. Вы знаете, видимо, проживя такую жизнь, извините, я такую фразу, «проживя». Ну, после всего, я не сказала бы «пережитого», у меня жизнь как жизнь. Я жила, я шла своим путем. Думала, то есть я точно знала, какой я должна быть и чего я должна добиваться в жизни, как я должна жить в окружении людей, какое должно быть мое отношение. То есть вот это всё занимало меня больше, чем чьи-то ошибки. Я практически не вижу вас. Чьи-то ошибки, чьи-то обиды, даже обиды на кого-то. Я человек, меня все знают, те, кто... То есть, вернее, кто меня знает, те знают, что у меня нет такого в жизни слова «обижаться» на кого-то. Вот первое, что у меня отсутствует, это на кого-то обижаться, потому что я понимаю, почему он такой: он от природы такой. Он не делал себя таким, он был сделан уже таким. И поэтому что на него обижаться? На него была возложена вот такая сложная задача, сложная, и кому-то очень, для кого-то очень неудобная и ненужная, а кого-то просто гробящая. И поэтому я, как я могу обсуждать то, что он сделал плохого или хорошего? С ним поступят так, как надо. И вот мои дети знают, у меня единственная фраза, там: «Мам, почему вот это вот так? Я же хотела вот так, а это так получилось». Я говорю: «Значит, так надо». Через день она ко мне приходит: «А ты знаешь, а ведь действительно: если бы я поехала, ты представляешь, что там было? Там был ужас». И вот пожалуйста, они знают вот это мое правило. Я живу по такому правилу. Я не знаю, кто мне его подарил. Может быть, бабушка, когда повела меня в костел первый раз. Я потом артачилась: «Нет, я пионерка, всё, я ходить не буду». — «А я тебя кормить не буду». Мы договорились, что будем ходить только в воскресенье. «А кто меня проводит?» Она старенькая. «А кто меня проводит? Ты что, какая ты пионерка, если ты бабушку в костел не ведешь?» — «Я молиться не буду». — «А ты там сиди и сиди, а то я тебя не буду кормить». Ну всё, пришлось. То есть вот такая я. Я ничего с собой поделывать другого не могу.

02:19:04

То есть всё, что совершил Сталин и вообще власть в тот период...

Я не считаю, что это правильно. Я считаю, что это неправильно, но он жил в таких условиях. Он таким вырос, он этого добивался, он этого добился. А люди, окружающие его, ему подобные, он себе таких выбрал, а остальные вокруг способствовали этому. И вот чего они добились. Их же еще и убрали. Вот я это сейчас так рассуждаю, просто, может быть, для себя даже понять, почему я так рассуждаю.

02:19:45

Нельзя же природой человека, тем, что у него такая природа была и он в таких обстоятельствах жил, оправдать миллионы убитых и сосланных.

Ни в коем случае нельзя. Ни в коем случае оправдать нельзя. Его нельзя принимать. И всё. За человека. Его нельзя принимать за человека. То есть на моем уровне.

02:20:09

Может быть, вы испытывали какие-то другие чувства, другое отношение, когда только вот узнали, получили дело в руки? Я имею в виду в молодости, потом вы выросли, менялось ли ваше отношение к тому, что сделали с вашей семьей, с вашим отцом и вообще с людьми в таком количестве, что они пережили? Или у вас всегда была такая позиция, которую сейчас вы озвучиваете?

Наверное, она всегда была, потому что я всегда избегала людей, вот как-то, я не знаю как, но, наверное, каждый человек так выбирает тех, с кем ему хорошо, с кем ему комфортно, кто его понимает. Потому что у меня подруги все просто замечательные, у меня соседи все — да просто замечательные. На даче у нас там по линии, когда дочка купила эту дачу и мы въехали — и смотрим, там все грызутся. Вот так дом — дом, дом — дом, дом — дом. Все перегрызенные живут. И мы когда к кому-то подходим там поздороваться: «А вы знаете, ага-га...» А сейчас, сейчас это другая улица. Потому что ко мне подошла там женщина, я не хвалюсь, нет, я не хвалюсь, подошла женщина: «Вот, этот такой-то, такой-то, он мне всё...» Я говорю: «Да что вы? Он не мог. Это не он, я не узнаю его». — «Как?» Я говорю: «Да потому что он сама доброта». — «Какая доброта? Он всё не здоровается со мной». Я говорю: «Правда? А я здороваюсь первая со всеми. Я говорю “здравствуйте”. Если человеку приятно от меня принять знак здоровья, он ответит, а нет — я просто исполнила то, что должна была исполнить». Вот сейчас все здороваются, сейчас все родные, золотые и все хорошие. Вот 15 лет прошло.

02:22:22

Можно спросу? Вы своих детей каким образом посвятили, когда решили, что надо их посвятить в историю семьи, в то, что были репрессированы?

А с самого начала.

02:22:32

Только развернуто, если можно, ответьте.

С самого начала, а нечего было скрывать, потому что я вышла замуж в 1958 году, дочка родилась в 1962. Это вопросы уже были решены, но когда я знакомила: вот это дедушка, это бабушка, это то, это сё, вот всех своих — а кем дедушка был? А вот он был такой, такой, такой и мама такая, такая, такая. Значит, уже когда там постарше, я же чуть ли не каждый год, я чем-то занималась, кому-то, либо маме, либо папины какие-то документы добывала. Надо было так. Я же о них ничего не знала, не видела, не знала, чем они жили. И я обращалась то в одну, то в другую организацию, соответственно, с какими они, так сказать, ну, были в работе одинаково. И вот я ребятам своим объясняла, и им даже в голову не приходило, что кто-то был в чем-то виноват или еще что-то. И сейчас они: «Ой, ты молодец, ты молодец, ты наше всё». Вообще, дети у меня все с моими генами.

02:24:17

Какими словами вы объясняли, как вы рассказывали?

Я им показывала, просто они видели эти документы, я им показывала. Потом, даже когда было открытие папиного последнего адреса, все ребятки, от мала до велика, все мои пришли на эту площадь, где прикрепляли адрес папин, и там с нами от «Мемориала»* [«Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован. — прим. Ред.] был состав, они тоже подготовили интересные доклады, попросили меня сказать пару слов, ребятки даже чего-то сказали, выступили. В общем, всё время так, всё время так, мы всё время вместе. У нас всё это, и все знают, что это было, но никакого всплеска, что вот такие-сякие-разэтакие. Они меня знают, они знают, что сказать надо при мне. Может быть, поэтому. Дети.

02:25:38

То есть дети тоже сдержанны в высказываниях относительно?..

Они не сдержанны, они просто такие, они знают, что если это произошло, то это произошло. А произошло из-за того-то, что люди, вот эти люди, которые это делали, они по-другому не могли, они такие. И что мы теперь это уже никуда не пересмотрим, не переложим, ничего. Это плохо, это очень плохо, и для всех плохо, а в первую очередь для них самих. Пострадало очень много народа, это очень плохо. Ну вот как их теперь вспоминают. Мне всех жалко. Мои дети знают, что мне всегда всех жалко.

02:26:27

Вы говорите: «Что мы можем?» Но мы можем, зная историю, повторять события. Вот сейчас возвращение же идет, да, культа личности Сталина, возрождение. Вот недавно только прочла, позавчера во Владивостоке не на государственные деньги, а на деньги вот жаждущих, радеющих памятник открыли Сталину. Как вы вообще относитесь к возрождению культа?

Это я считаю кощунством. Поступок Сталина нельзя назвать правильным, ни в коем случае. И повторять его ни в коем случае нельзя, потому что гибнут миллионы, а потом их семьи — еще миллионы — страдают, переживают, чего-то добиваются. Хорошо, если удастся добиться. А есть такие, которые боятся идти к любым руководителям, чтобы только не пережить заново всё пережитое. Не знаю, убедительно или нет.

02:27:28

Ну главное — как чувствуете.

Вот это я так чувствую. Что-то понятное я произнесла?

02:27:40

Да, вы понятно произнесли, я просто пытаюсь внутри себя уложить, а при этом вы будто бы пытаетесь понять природу его, да, что он по-другому не мог или он таким человеком родился, ну вот таким уродом, но он таким родился. Вы даже так не говорите, это я уже про себя говорю.

Таких людей нельзя допускать к власти.

02:27:59

Еще раз произнесите, а то наложится на мои слова.

И таких людей нельзя допускать к власти. Всё.

02:28:11

А каких таких?

А вот всё предыдущее, как я говорила.

02:28:17

Вы скорее говорили, как я услышала, да? Ну может быть...

Да-да-да, вы повторите, что у меня... Я бы знала, с чем связать.

02:28:25

Ну вот природа обделила, не знаю, больных в каком-то смысле, да? Ну да, будто бы вы находите возможность понять, для себя понять и такого даже человека, несмотря на всю боль, которую он принес вашей семье и вообще стране, людям. Просто для меня это удивительно, сопоставить и попробовать до конца вот вас понять.

Не могу в себе родить обиду. Вот такой характер, что я могу сделать? Я считаю, что что пережито, то уже далеко позади. И его ни в коем случае нельзя будить. Неизвестно кого разбудим, кому поможет выйти снова вот так на арену и так издеваться над человечеством. Наверное, всё.

02:29:40

Так прекрасно вы сказали: «Не могу разбудить обиду». Чувствовали ли когда-то злость прямо, раздражение, ну как бы ощущение несправедливости, что так случилось? Когда вы всё больше и больше погружались в эти документы, в информацию, рисовали для себя отца, которого вы могли бы не рисовать, а проживать прекрасные годы с ним.

Нет, я боролась за него. Я боролась за него. Мне было не до этого. Мне было не до этого. Не до этого.

02:30:13

Моего вопроса не будет. Не до злости?

Да, не до... Сейчас. Что-то мелькнуло хорошее такое и ушло. Мне было не до сведения счетов с виновником вот этого всего происшедшего. А мне нужно было восстановить справедливость отношения к папе к моему, к его талантам, к его способностям, к его стремлению жить с людьми в добре, в доброте, во взаимопомощи, во всем, чего он добивался в своей жизни. Он с этого начал свои юные годы и так до 32 лет, пока ему отказали в продолжении его вот такой прекрасной деятельности, в развитии вот этой своей прекрасной деятельности. Потому что даже те, кто писал о нем, они там пишут, что «из него вырастет, я знал, что из него вырастет большой человек». Ну это я одним словом, а там такие слова хорошие. Большой человек вырастет. И вот с ним так обошлись. И вот с 1956 года по сегодняшний день я не перестаю быть счастливой, когда речь заходит о папе. Это праздники для меня, потому что правда, какая она есть, она всегда выйдет на поверхность, ее не уничтожить, если за нее каким-то образом бороться и заступаться. Я вам очень благодарна. Потому что хочется поставить точку, хочется закрыть это всё. И какое счастье, когда ты не одна в решении вот этих проблем, когда ты не одна знаешь о том, что была несправедливость, и она признана несправедливостью большинством. А меньшинство получает свое. Меньшинство, которое допустило эту несправедливость. Как бы они ни старались, они никогда не получают большинство своих последователей, их будет меньше, чем добрых людей. И они никогда не победят. Я в этом уверена. Я в этом уверена, потому что я всю жизнь с этим сталкиваюсь. Я никогда не переживаю, не спорю. У меня нет друзей таких, которые стремятся выдвинуться за чужой счет и сделать всё, чтобы другому было хуже. Меня окружают другие люди, которые стремятся к противоположному, они стремятся к тому, чтобы другим людям было так же хорошо, как ему, или даже еще лучше. И пусть так будет. По-моему, только на этом должен строиться мир. Я всё.

02:35:23

Спасибо вам большое. За разговор и за последние слова.

Это моя гордость. Это моя гордость, девочки. «Дана Высоцкой Марине Антоновне». Всё, фотографируйте, тут всё написано. «В том, что согласно решению Педагогического совета медицинского училища № 16 клинической больницы имени Боткина от 18.06.57 года она направляется в медицинский институт для продолжения образования в счет пятипроцентного выпускника 1957 года». Я так училась хорошо, пять процентов, а меня не приняли.

02:36:17

Вы говорили, что с детства чувствовали предназначение к медицине, лечить, и отец, получается, в 14 лет тоже чувствовал такое предназначение.

Да, да, да.

02:36:26

Можно сказать, что вы похожи по какой-то [нрзб]?

Да, я к этому пришла, что мы с ним шли по своему какому-то определенному пути, который определился в определенном возрасте. Что к папе пришло так, и что ко мне так пришло в 14, 15, в 13 лет. Я вдруг почувствовала себя так.

02:36:54

Как так?

Что я должна быть врачом, обязательно, но меня не захотели. Меня не захотели принимать, когда я первый раз сдавала экзамены в медицинский институт. Я написала сочинение, оно блестящее. Проверяла его долго, чтобы ошибки-то оттуда убрать. И вообще, очень простая тема была. И вдруг я вижу себя в списках: неуд. Я сразу поняла, что к чему. Потому что я в своей анкете написала, что папа был осужден, но реабилитирован, мама осуждена, но реабилитирована и так далее, а мы с мамой были в ссылке. Умная, умная девочка. Ну и всё. Ну и иди в ссылку свою, ради бога. Какой из тебя врач? Ну как мы можем доверить тебе больных? Кто же знает, что у тебя в голове? Это вот я в Казахстане. Мама, сестра и я. Это мама сделала нам общую фотографию, чтобы была память. А эту фотографию, вот так она была, взял один из «Комсомольской правды», который освободился, и к нам припечатал, сделал это фото с папой. Папину фотографию сюда поместил. Вот это мама с сестрой, когда она была маленькая.

02:38:22

Еще раз покажите, пожалуйста, ее.

Нормально, да?

02:38:39

Ага.

Всё, да? Это сама мама. Это папа. Это папа, просто я на всякий случай, может, какая-то удачная, какая-то неудачная. Это вот он на работе, его друзья. Я даже не знаю где.

02:38:54

А где он?

Вот он, кучерявый. Это он же. Это я на всякий случай. А здесь вот мама в кружочке, а здесь папа. Это они на фабрике. А нет, это да. Они строили стадион юных пионеров. Вот эта группа ребят. Юные еще. Мама и папа. Всё, да? А здесь вот он на выставке. Высоцкий Антон Антонович, экскурсовод на сельскохозяйственной выставке. Вот он, маленький такой мальчонка. Ну он рабочим был первое время, а потом вот там посмотрели, а он может, оказывается, еще и экскурсии водить. Ну повысили. А это вот он участвовал в строительстве стадиона юных пионеров. Вот он на трибуне среди всех начальников. А последнее — это я. Вот красotka в московской одежке. «У нас и такие есть» — они так поставили меня. «И такие есть, богатые» Вот первый класс совхоза такого-то. Это нужно было здесь в Москве для того, чтобы что-то мне оформить, что я там действительно была в ссылке, что я была в ссылке. А это просто вот я с детьми на даче. Это детки тоже на даче. Это вот как раз то же самое. Ну я отложила, чтобы много не было. А это вот в «Комсомольской правде» от 28 декабря 1991 года, что разыскиваются родственники Высоцкого. «На днях в редакцию поступило такое письмо. Извещение. Общество жертв незаконных репрессий Черемушкинского района города Москвы по архивам КГБ СССР установило личность жертв политических репрессий, захороненных в одной из безымянных могил на территории Донского монастыря. В списках значится работник вашей редакции Высоцкий Антон Антонович». Мне никто не присылал. Это мне кто-то принес, принесли из «Комсомолки». «Сообщаем вам для возможности найти родственников. Если они есть, дорогие Высоцкие, откликнитесь». И вот я тогда побежала. Это отзвывы. В Союзную военную прокуратуру СССР. Был запрос из Союзной военной прокуратуры, направленный Филиппову Александру Петровичу, высказать мнение о Высоцком Антоне Антоновиче, какой он специалист, как он работает, как относится к людям, как относится к властям. И вот ответ. Я начало [читать] не буду, тут годы, сколько лет работали вместе в «Комсомольской правде», но вот его отношение и его впечатление о работе Высоцкого: «Высоцкий работал первым

заместителем главного редактора "Комсомольской правды". [Нрзб] ни чванства, зазнайства. Чуткое отношение к любому сотруднику газеты, ответственное отношение к порученному делу — вот основные черты Высоцкого. Поэтому как газетный работник, как член партии и товарищ Высоцкого Антона Антоновича... Он пользовался в коллективе авторитетом и уважением. За всё время моего знакомства и совместной работы с Высоцким я не помню ни одного факта каких-либо колебаний Высоцкого в вопросах генеральной линии и политики партии, ни одного случая, когда бы поступили или высказывались Высоцким... Высказывания Высоцкого были бы предметом обсуждения или осуждения в руководящих органах». Вот другой отзыв о его работе: «Ежедневно сталкивался с Высоцким Антоном Антоновичем. "Большая душа"...» — это в кавычках — «...наш Антоша. Так называем мы этого замечательного... С большим авторитетом. Высоцкий был влюблен в свое дело, верил в него. Он знал запросы читателей, был близок к жизни молодежи, умел прислушиваться к ее голосу, ценил советы простых советских людей. Будучи чрезвычайно требовательным к себе и окружающим, он в то же время обладал ровным, добрым характером. Но главное, что отличало Высоцкого как руководителя и человека, это целеустремленность, принципиальность, удивительное внимание к письмам читателей. "Читайте письма, ходите на заводы, бывайте в деревне. Разъезжайте, не сидите на местах, — говорил он нам, — Учитесь жизни". Это я хотела просто связать немножко.

02:46:36

Съезвите.

Съезвить, да? Сейчас. Так, это уже его анкеты. Значит, поскольку папа был членом ЦК ВЛКСМ, я обратилась туда с просьбой дать какие-то сведения о его деятельности, что он там делал, кем был, я не знала вообще. Что он в ЦК ВЛКСМ, тоже был причастен к работе ЦК ВЛКСМ. И что я узнала: «Справка. Высоцкий Антон Антонович был делегатом X Всесоюзного съезда комсомола апреля 1936 года, на котором избран в члены ЦК ВЛКСМ. Составлено по материалам X съезда Комсомола. Хранится в архиве ЦК ВЛКСМ». Этот материал весь о нем. А что ЦК ВЛКСМ сделали с папой, когда началась против него вот эта операция? Мне прислали вот такую маленькую записочку. Значит, «опросом членов ЦК ВЛКСМ, члену ЦК ВЛКСМ товарищу... Августайтис... Слушали, первое, о Высоцком...» — без инициалов — «Товарищи...» А, товарища Косарева, самого главу, Косарева. «Постановили исключить Высоцкого из состава ЦК ВЛКСМ за связь с врагами народа». Вот так просто. Вот так просто была решена его судьба в ЦК ВЛКСМ. Косарев похоронен недалеко от папы. В своей могилке. А папа в общей. Ну, вот это у меня уже такое вот... Вот это было. А я еще тут рисуюсь, что я хорошая, ни на кого не обижаюсь.